

сал: «Уход из мира, отречение от борьбы, непротивление осознанному злу — это обычно идеология пассивного, не сознающего своей силы, политически инертного класса. В этом отношении проповедь Нила Сорского, который сам себя называл „поселянином“, отражала скорее умонастроение патриархального крестьянства. Последнее испытывало на себе в то время сильный нажим, но не сумело еще противопоставить этому нажиму организованный классовый отпор».⁵³ Еще определеннее И. У. Будовниц в оценке классового лица Ермолая-Еразма. Это, по мнению исследователя, «ярый выразитель интересов крестьянства... Он силен в своих обличениях сильных и гордых, он внушает большие симпатии читателю теплым чувством сострадания к тяжелому положению ратаев (крестьян)».⁵⁴

Характеристика Ермолая-Еразма как представителя крестьянства, данная И. У. Будовницем и высказывавшаяся до него Р. Виппером и В. Ржигой, вызвала возражения Т. А. Колесниковой и некоторых других авторов.⁵⁵ Но она встретила и поддержку. Выразителем мировоззрения крестьянства, и именно патриархального крестьянства, считает Ермолая-Еразма А. И. Клибанов, специально исследовавший «Повесть о Петре и Февронии» (которую он считает произведением Ермолая) как памятник общественной мысли. По мнению А. И. Клибанова, повесть эта «отображала состояние пробуждавшегося классового сознания крестьянства» и была «не выше и не ниже уровня общественного сознания основной массы патриархального крестьянства в середине XVI в.». Упрекая Ермолая-Еразма за то, что «он — писатель, мыслитель, публицист, — в своем мировоззрении оказался не выше и не ниже хотя и незаурядной, но все же простой рязанской крестьянки»,⁵⁶ А. И. Клибанов в заключительной части своей работы прямо сопоставил его в связи с этим со Львом Толстым: «Пробуждавшееся к активной борьбе крестьянство мучительно, очень медленно, преодолевало патриархальные предрассудки. Оно далеко не освободилось от этих предрассудков и в конце XIX века, когда Лев Толстой в своем творчестве отразил противоречия крестьянского движения, подобно тому, как в середине XVI века их отразил в своем сочинении Ермолай-Еразм».⁵⁷

Более осторожную позицию занимает в этом вопросе А. А. Зимин. Критикуя попытки Т. А. Колесниковой слишком прямо и непосредственно связать программу Ермолая с классовыми интересами дворянства, А. А. Зимин полагает, что «вопрос о классовых позициях, с которыми выступал в своих сочинениях Ермолай-Еразм, еще нуждается в специальном исследовании».⁵⁸ Разбирая далее этот вопрос, А. А. Зимин указывает, что «цель, которую ставил Ермолай-Еразм в своем проекте реформ, — умаление „мятежей“ — соответствовала интересам феодалов. Однако средства,

ч. 1. кн. 2, стр. 387—388, прим.). Заметим, кстати, что если идеология Нила может вызывать споры, то происхождение его установлено: будучи братом дьяка Андрея Майка, Нил Сорский принадлежал к московской служилой среде.

⁵³ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 81.

⁵⁴ Там же, стр. 221—223.

⁵⁵ Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 251—265. Оценку Ермолая-Еразма как дворянского публициста см. в статьях: В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI века. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 202; Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. — В кн.: Сочинения И. Пересветова, стр. 30—32.

⁵⁶ А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — Исторические записки, т. 65. М.—Л., 1959, стр. 309.

⁵⁷ Там же, стр. 315.

⁵⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 115.